

Н. Н. Орлова

„Осенний листопад...“

(Мои воспоминания)

Москва
2008

От автора

В юности дни кажутся длиннее, солнце светит ярче, а жизнь представляется бесконечной, сорокалетние люди воспринимаются как старики, кажется, что все можно успеть...

Скоро мне исполнится 75 лет. Очевидно, что многое теперь невозможно – родить ребенка, перечитать любимые книги, прочитать что-то новое, следить за газетами и принимать, что происходит в стране и в мире, активно участвовать в жизни общества. Довлеют прошлые представления о мире, «ржавеют» мозги... Время утекает, как песок, исчезает быстрота реакции и движения, налезает болезни. Года два тому назад подумала – надо бы написать о родных и близких мне людях, о времени, в котором жила и о запомнившихся событиях ушедших лет. Далекое не все знают о той далекой нашей жизни, о родственниках, о многих из которых я сама узнала лишь после смерти папы из его записок.

Так возникла идея написать свои воспоминания. В них нет строгой хронологической последовательности, это скорее отдельные рассказы о разном.

Они, прежде всего, адресованы сыну, его жене Тане и моим внукам, ведь они живут совсем в другом, измененном мире, и даже в другой стране. Наверное, это еще кому-нибудь будет интересно.

*В сиреновом лесу бульвары хороши,
Осенний листопад Москву заворошил.
Не знаю, почему я вспомнила про это –
И песня невпопад, и память невпопад...
Не знаю, почему мне вдруг напомнил лето
Шальной осенний листопад.*

Д. Сахаров

*Нина Николаевна Орлова (Визжилина).
1932–2007*

Мои родители

Мама

Наша мама, Мария Ивановна, урожденная Рябчикова, родилась 21 марта 1913 года (по паспорту – 1912 года, прибавила себе год, чтобы взяли на работу) в г. Ростове Великом в большой и очень бедной рабочей семье. Отец мамы умер молодым от туберкулёза, и бабушка осталась с шестью детьми – четырьмя дочерьми: Лизой – её я не видела никогда, только слышала о ней, – Марусей, Ниной и Раей и двумя сыновьями – Ваней и Федей. Дети рано шли работать, в основном на льнопрядильную фабрику.

Из родственников я знала мамину маму – бабушку Нину Федоровну, маленькую старушку, весьма шуструю и веселую. Она была малограмотная, совсем не понимала, что такое телефон. Сняв трубку и услышав чей-либо голос, произносивший «Алло», говорила, сильно окая, всегда одну и ту же фразу: «Никого дома нет» и опускала трубку на рычаг независимо от того, что говорят дальше. Бабушка приезжала к нам несколько раз и некоторое время жила у нас, помогая маме по хозяйству. Умерла она в 1960 году где-то на Западной Украине или в Молдавии, куда поехала навестить дочь Елизавету. Мама плакала, хотела поехать на похороны, но папа её не отпустил, опасаясь за её здоровье.

Знала я и тетю Нину, которая жила и умерла в Ростове. Она довольно часто приезжала к нам на два-три дня за маслом, колбасой, сыром и т. д., так как в Ростове в то время практически ничего из продуктов не было (1960–1970-е годы).

Любопытно, что в маминой семье оказалось три Нины – бабушка, тетя и я. На мой вопрос, почему так получилось, мама сказала, что просто забыли о том, что я буду третья... Впрочем, меня сначала хотели назвать Раей, но тут, видимо, вспомнили, что в семье уже есть одна Рая – младшая мамина сестра. Я видела её один или два раза, когда она ненадолго

приезжала в Москву, но помню ее лишь по фотографии, где она молодая красивая блондинка. Она умерла рано – ей было 23–24 года – от сердечной недостаточности.

Хорошо помню дядю Ваню – Ивана Ивановича Рябчикова, добродушного и веселого толстяка небольшого роста, страстного любителя рыбалки и водочки.

Он почти каждый год ездил на соревнования по рыбной ловле, неоднократно был в составе жюри соревнований или его председателем. Как все ростовцы, дядя Ваня сильно окал, мы подтрунивали над ним, называли его Ванюшенька-душенька. Он часто приезжал к нам из города Иванова, где жил и работал на ткацкой фабрике и куда я, Серёжа и мама уехали в начале войны на несколько месяцев.

Когда мой сын Лёша подрос, он со своим отцом Олегом и моим братом Колей летом ездили к дяде Ване, с которым они жили в палатке на берегу речек. Одна была длинная и узкая, другая – короткая и широкая, поэтому Олег называл их «Сосиской» и «Колбаской». Там дядя Ваня кормил их свежепойманной рыбой, травил рыбацкие байки.

В 18 лет, работая на льнопрядильной фабрике в Ростове Великом, мама познакомилась со своим будущим мужем Николаем Алексеевичем Визжилиным. Они поженились в Москве, где мама прожила до своей кончины в 1986 года, покидая столицу только во время эвакуации в войну. А еще летом она увозила нас куда-нибудь в деревню, где за небольшие деньги снимала комнату или террасу в крестьянском доме.

Первая такая «дача» была под г. Ногинском в 1937–1938 гг. в деревне Пешково на реке Клязьма.

Мама осмотрела не один дом в деревне. В доме, который выбрала мама, жили три женщины: старшая – тётя Поля (уже не работавшая), средняя – тетя Маня, работавшая в Ногинске на фабрике, и младшая – тётя Даша, бывшая монахиня из монастыря где-то под Гжелью.

Маме очень пришлось по душе необычайная чистота и уют этого дома – идеально выскобленные стёклышком стол и полки, лавки и пол, сиденье в туалете – всё это постоянно тщательно мылось. Посуда блестела от чистоты. В горнице стояли большущие пьалы, на которых тётя Даша стегала красивые ватные одеяла, многие из которых долгое время, даже после войны, были у нас в Москве. Там же, в углу горни-

*Мария Ивановна Визжилина (Рябчикова).
Москва. Декабрь 1945 года*

цы, стоял блестящий большой иконостас – перед ним всегда горела лампада. Пространство этого дома, мне кажется, помню до сих пор.

Маме, естественно, понравился не только дом, но и опрятные, славные и приветливые хозяйки. Она стала просить их сдать нам на лето терраску, однако, неожиданно получила отказ. Как выяснилось, из-за того, что папа был коммунист. Они просто боялись, ведь они были религиозными, а монастырь, где жила тётя Даша, закрыли коммунисты.

Не знаю, какие доводы приводила мама, да только хозяйки не только сдали терраску, но вскоре и весь дом был предоставлен в наше распоряжение – ели вместе за одним столом с хозяйками. Отношения сложились самые теплые, душевные не только с мамой, но потом и с папой, когда он вернулся из Таджикистана.

Однажды родители и их друзья Прощины, которые жили в той же деревне, сидели на берегу Клязьмы и играли в карты. Я барахталась в воде возле берега на мелководье и смотрела, как ребята постарше ныряли, и решила тоже попробовать нырнуть. Мама рассказывала, что вдруг услышала чей-то крик: «Чей ребёнок тонет?!» Оглянувшись, увидела, что тонет её ребёнок. Родители и Прощины бросились меня спасать, благо «нырнула» я возле берега. Всё обошлось, но с той поры я довольно долго боялась воды и не умела плавать.

Помню ещё, как уронила, стянула с сундука Серёжку, которого мама положила, чтобы перепеленать. Ростика я была маленького и не могла со своей высоты рассмотреть братишку, а очень хотелось, вот и потянула за пелёнку. О последствиях умолчу... Теперь, Сергей, когда хочет меня «уесть», говорит, что все его недостатки именно оттого, что я уронила его в младенческом возрасте...

Думаю, что в отсутствие папы маме было достаточно трудно управляться с двумя малыши детьми и скудными материальными возможностями. И вот что сделала мама. Взяла на руки Серёжу и отправилась в ЦК ВКП(б), предварительно записавшись на приём к секретарю ЦК А. А. Андрееву. Ему она описала в красках ситуацию и попросила, чтобы папу вернули из Таджикистана, – он работал там

заместителем Наркома республики по просвещению, – потому что она с малыми, часто болеющими детьми ехать к нему не может – там неподходящий климат. Вскоре папа вернулся в Москву и стал приезжать к нам в деревню, там же провел и отпуск.

Этот мамин поступок говорит о её бесстрашном, решительном характере – шел 1938 год.

Ростов Великий – родина моей мамы

И в деревне, и после рождения Коли маме помогала тётя Даша, которая подолгу жила у нас в Москве и стала практически членом семьи, а когда Коля подрос, и её монастырь восстановили, она уехала туда, и больше я её не видела. А женщина она была славная – добрая, отзывчивая, конечно, верующая. Потихоньку от родителей пыталась учить меня молиться...

Вторая наша дача в предвоенное лето 1940 года была на станции «Платформа 42 км» по Казанской железной дороге в поселке, где жили работники ЦК, так называемая госдача. Там мама водила меня в деревню и пила парным козьим молоком, которое мне ужасно не нравилось – тёплое, слишком жирное и сладкое. Брр! Но кто-то, может быть,

врач, сказал, что для поправки моего хилого здоровья нужно поить меня именно этим молоком.

В субботу мы обычно ходили на станцию встречать папу, гуляли по платформе и ели мороженое. Его продавала тётя в белом фартуке, через плечо у неё висела деревянная коробка, разделённая пополам. В одной половине был лёд, в другой – мороженое. Были у неё и круглые вафли, на которых были разные имена, и специальная круглая металлическая формочка на палочке с движущимся дном. На дно закладывалась вафля с выбранным тобой именем, потом ложкой накладывалось мороженое, затем снова вафля. С помощью палочки дно поднималось и выталкивало зажатое между вафлями мороженое. Ах, как было вкусно!

Два лета после войны (1945–1946 гг.) мы жили в Мамонтовке, тоже на госдаче. Тогда я начала интересоваться растениями, делала какие-то клумбы и выращивала цветы.

Летом 1947 (1948?) года мы жили под Москвой по Киевской железной дороге в деревне Алабино, где мама сняла комнату или терраску, сейчас уже не помню. Лето было жаркое, но рядом была небольшая речка, куда мы с Серёжей бегали купаться.

И в этом месте не обошлось без ЧП. В это время у нас жил большой сибирский, очень пушистый серый кот Барсик, которого мы привезли из Москвы. Вскоре он заболел бешенством, и нам с Сергеем было предписано ехать в Москву в спецклинику, где нам сделали уколы в живот и объявили, что таких уколов нужно сделать 40 (!) чтобы не заболеть, при этом нельзя купаться и пить спиртное (слава Богу, тогда мы его ещё и не пробовали).

Ходили слухи, что в то лето было много случаев бешенства у домашних и диких животных, в частности, у лис, в результате того, что немцы, которые оккупировали эти места во время войны, отступая, специально заразили некоторых животных бешенством. После этой истории родители запретили нам брать в дом кошек, а жаль.

Истории с животными были и до войны. Вот одна из них. Мы с мамой поехали в зоомагазин на Арбат, чтобы купить какого-нибудь зверька, долго выбирали и выбрали кролика большого и толстого, который, как оказалось, был беременной крольчихой. Привезли его (т.е. её) домой. Клетки

у нас не было, и мама отодвинула от стенки диван, поставила его углом, настелила на полу газеты и посадила туда крольчиху. Поскольку мама вообще очень любила делать перестановки мебели, то это изменение в расположении дивана у папы не вызвало удивления. Но уже через день в воздухе появился некий неприятный запах, на который обратил внимания папа, когда по обыкновению после ужина прилёг с книжкой на диван отдохнуть. В первый день маме как-то удалось убедить отца, что запах случайный, но уже через день папа обнаружил кролика. Последовал скандал, слёзы, но приговор отца был неумолим – убрать кролика из квартиры. Пришлось везти его обратно на Арбат в зоомагазин, а чтобы совсем не огорчать меня и Серёжу, мама купила взамен небольшой аквариум и золотых рыбок.

У мамы был неистовый темперамент, который, в частности, проявлялся, как я уже говорила, в бесконечных, почти еженедельных перестановках мебели. Обычно папа приходил с работы поздней ночью, когда мы уже спали, и ложился спать, не включая свет, чтобы нас не будить. Однажды он посетовал Калисе Васильевне (сотрудница папы по ЦК ВКП(б), о ней я расскажу позже): «Понимаешь, захожу в комнату, иду туда, где стояла моя кровать, и обнаруживаю вместо нее ... стол». Такое случалось нередко.

Когда мы жили на Кутузовском проспекте, мама, воспользовавшись тем, что папа лежал в больнице, решила сделать очередную, на сей раз фундаментальную перестановку – переместить кухню в переднюю, а кухню превратить в комнату, прорубив из нее в комнату папы еще один вход. Так и сделала, однако надо было как-то объяснить такую перемену папе, который вскоре вышел из больницы. Переступив порог квартиры, он направился к себе в комнату и удивлением обнаружил, что ее дверь загорожена книжным шкафом. Поскольку другого входа в его комнату раньше не было, то он с недоумением посмотрел на маму. Тут началось самое интересное.

«Коля, Коля! – воскликнула мама, отступая от двери папиной комнаты и жестами приглашая его следовать за собой. – Ты не волнуйся, у нас теперь все стало гораздо лучше, чем прежде». Отец пошел за ней и увидел все содеянное: новый вход в его комнату и – самое главное, – что не только

раковина, но и газовая плита были вынесены в коридор. Он сказал, что так делать не полагается, потому что газовую плиту нельзя ставить далее чем на три метра от окна. Новое место плиты было от окна гораздо дальше. Мама, глазом не моргнув, сказала: «Ты знаешь, Коля, приходил газовщик и сказал, что все в порядке», хотя никакого газовщика мы не вызывали, а перестановку делал слесарь. При этом мама по-

*Моя бабушка
Нина Ивановна Рябчикова
(Торгашина)*

казала руками, какое расстояние было от окна до плиты раньше, а затем, не опуская рук, и сделав какое-то невероятное «па», сказала, что и теперь расстояние от плиты до окна такое же. Папа настолько опешил, что не сразу все понял. Через некоторое время все пришлось вернуть на свои места.

С 1948 по 1960 год мы жили летом в деревне Улиткино недалеко от теперешнего городка Космонавтов. Там рядом с домами начинался лес, полный грибов и ягод, и была речка, названная папой Переплюйкой – так мала и узка была она. Но для нас это было блаженство – на речку можно было ходить одним, речка мелкая, вода чистая и тёплая. В Улиткино жили сначала в доме тёти Фроси, с которой у мамы, как всегда и с другими соседями, сложились самые тёплые отношения, потом перебрались к Сахаровым, в дом побольше, стоявший на краю деревни, у самого леса. В Улиткино мама ставила рекорды по сбору грибов, очень здорово она умела их искать. Папа досадовал, т.к. догнать её в этом

деле никак не мог. Мне кажется, что я полюбила грибную охоту именно там. Последний раз я была в Улиткино летом 1958 года перед рождением Алёши.

Когда родился Алёша, летом я с ним жила на Зеленоградской на даче у родителей моего мужа – Орловых, и мама с папой лишь иногда навещали нас.

Дача в Зеленоградской – это деревенский сруб с пристройкой верхнего этажа, где жили Наталия Павловна и Юрий Александрович, там же был его небольшой рабочий кабинет. Внизу маленькая комната-кухня с печкой и плитой, она же столовая в холодные дни, и комнатка, где жила Мария Ростиславовна, мать Наталии Павловны, а также большая горница с печкой, впоследствии разделённая пополам. К дому была пристроена большая терраса, на которой стоял длинный стол и две широкие лавки. За этим столом по воскресеньям и праздникам собиралась большая семья Орловых – Мария Ростиславовна, Юрий Александрович, Наталия Павловна, Сева и Люся, Рома и Галя, Олег и я, Наталочка и внуки – Миша и Юра (сыновья Севы и Люси), Настя и Никита (дети Ромы и Гали), мой сын Алёша и дочь Наталочки Лиза – и гости, приезжавшие повидаться с Орловыми. Среди гостей бывали мои родители, мой брат Коля, Заварзины и друзья Ромы. Иногда за столом собиралось человек 20–25.

Летом 1961 года мама с папой ездили на месяц к друзьям – Гурию Осиповичу (давнему товарищу отца по учебе в вузе, который в то время был ректором ленинградского текстильного института) и Татьяне Самойловне Арефьевым под Ленинград, в Комарово. С ними ездили Коля, Алёша и Сергей. Туда же после командировки в Сухуми, где наша группа работала в обезьяньем питомнике, приезжала и я. Мне кажется, родителям там было хорошо.

В последний раз мама выезжала на природу ко мне в Малинники под Калинин летом 1971 года в дом, который мы купили с Н. П., моим вторым мужем. Там же перед домом растёт рябина, посаженная моей мамой...

Много тяжёлых переживаний выпало маме во время войны. Первые бомбежки Москвы, отъезд в Иваново и быстрое возвращение в Москву, эвакуация, во время которой с мамой случилась беда.

На каком-то пустынном разъезде перед станцией Шарья, когда все спали, мама проснулась и, отодвинув с окна маскировку, увидела колонку с водой. Решив набрать воды, взяла пустое ведро, надела чьи-то сапоги и пошла к колонке. Когда она почти набрала воды, вдруг услышала стук колес и увидела, что наш состав медленно тронулся.

*Моя мама Мария Ивановна
и ее сестра Раиса Ивановна*

Можно представить её ужас – в вагоне дети и муж, а она одна в глухом пустынном месте без документов, денег, одежды... Не бросая ведра, мама побежала к составу, догнала его у последнего вагона, когда уж и сил не было бежать. К её счастью, в это время какой-то мужчина вышел в тамбур покурить. Увидев маму, он протянул ей руку и закричал, чтобы она бросила ведро и крепче держалась. Однако мама закинула ведро в вагон (как же без ведра-то!?) и попыталась забраться на площадку тамбура. Беда была в том, что в вагоне не было ступенек, а была лишь скоба, куда она успела вставить ногу. Чужие сапоги были ей велики, и мама почувствовала, что они стали сползать с ног и один из них начал задевать за колесо – поезд увеличивал скорость. Мужчина кричал, чтобы она сбросила сапоги, но она этого

тоже не сделала, понимая, что сапоги вещь необходимая и достать их во время войны вряд ли возможно. В конце концов, мужчина всё-таки втянул маму на площадку, где она сразу потеряла сознание...

В это время проснулся отец и, не увидев мамы, пошёл выяснять, где она. Вышел в тамбур и, выглянув в дверь, увидел маму, висящую в конце состава, куда он немедленно и побежал.

Война была тяжёлым испытанием для мамы. Одна в Барнауле с двумя детьми, постоянный страх за папу, всякие беды с нами, довольно голодная, как и у всех, жизнь.

Там же весной 1942 г., когда почти стаял снег, но земля была ещё тверда, как камень, мы с Женей Прощиным пошли гулять и решили покачаться на качелях – доске, поставленной на какое-то возвышение. На один конец доски сели мы с Женей, на другой – трое каких-то малышей, качались и радовались. В это время подошла девочка Инна, постарше и покрупнее нас, и мы предложили ей тоже покачаться. Она села к малышам, отчего наш конец качелей резко прыгнул вверх, а мы с Женей полетели вниз – я лицом в землю, Женя сверху на меня. Удар был сильный, я с трудом поднялась на ноги. Из носа закапала кровь, Женя стал скорее собирать кое-где сохранившийся подтаявший снег, прикладывая его мне к носу, повторяя, с ужасом глядя на меня: «Не очень заметно. Пошли домой!». Когда мама открыла дверь, она едва удержалась на ногах от того, что увидела – на моём лице торчал только огромный распухший нос и под глазами кровоподтёки... Не очень заметно! Оказалось, что у меня перелом носа и легкое кровоизлияние в мозг.

С этим я пролежала дома около месяца. Тогда же мама повела меня в военный госпиталь, где я страшно испугалась при виде забинтованных людей с коричневыми лицами и руками. Это были обожжённые танкисты и летчики, которых мазали раствором марганцовки. Хирург предложил сделать мне пластическую операцию носа, к счастью, мама отказалась от такой операции.

После Барнаула весной 1942 года мы переехали в Кострому, где жили у друзей родителей – дяди Гурия и тёти Тани Арефьевых. Она работали, и все заботы о доме и детях легли на маму, а детей в Костроме стало четверо – две дочери

Арефьевых – моя одногодка Тамара (десяти лет) и Ирина чуть моложе Сергея (пяти лет).

Было голодно, не было ни масла (иногда получали по карточкам или покупали на рынке льняное), ни сахара, ни многого другого. Нам, детям, выдавали по одному кусочку сахара к чаю, взрослые обходились без сахара. И вот мы с Тамарой придумали сэкономить сахар и немного накопить его в подарок родителям к празднику – к 7 ноября или Новому году, теперь уже не помню. Сшили мешочек и стали складывать туда маленькие кусочки сахара, оставшиеся от нашего чаепития. Мешочек повесили на гвоздик, вбитый на заднюю стенку письменного стола. К празднику мама затеяла генеральную уборку и, отодвинув стол, обнаружила этот мешочек со странным содержимым – мокрые сахарные кусочки слиплись в один серый комок. Комок был, конечно, съеден родителями с удовольствием.

Мама изо всех сил соблюдала режим экономии и больше всех страдала от голода. От недоедания у неё начался фурункулёз, трудно было не только двигаться, но и сидеть, лежать и даже стоять. И всё равно приходилось работать по дому. Всё это мама мужественно переносила и в письмах папе об этом не писала, но часто просила вызвать нас в Москву. Однажды она не выдержала и написала папе огромное письмо на нескольких страницах, которые были исписаны только одной фразой: «Коля! Забери меня отсюда!» Мама всегда была догадлива, поэтому решила, что такое письмо надежнее всяких подробных описаний покажет папе, как ей тяжело.

Летом 1942 года мы с мамой жили под Костромой в Лунёве, в деревне на высоком берегу Волги. За домом сразу начинался лес с грибами, ягодами и щавелем, в деревне можно было купить немного картошки и другие овощи, так что стало легче прокормиться.

Это было тревожное время – шла битва за Сталинград. По Волге из Сталинграда время от времени шли суда, обшитые защитными маскировочными часто закопчёнными щитами, а за ними – пятна мазута...

Много тяжких переживаний было у мамы по поводу наших частых болезней. В конце войны, когда мы жили уже на Кутузовском проспекте, у меня обнаружили ревмакордит

и ревматизм ног, и мама возила меня в школу на санках... Слава Богу, это прошло.

Особенно много и тяжело болел в детстве Сергей. Всякий раз мама лежала с ним в больнице. Она вспоминала, что однажды наступил день, когда врач предупредил маму, чтобы она готовилась к худшему. В тот день была гроза, Сереже стало совсем плохо, мама не отходила от него ни на минуту – меняла пелёнки, поила, давала лекарства и т.п.

Она спасла его от смерти...

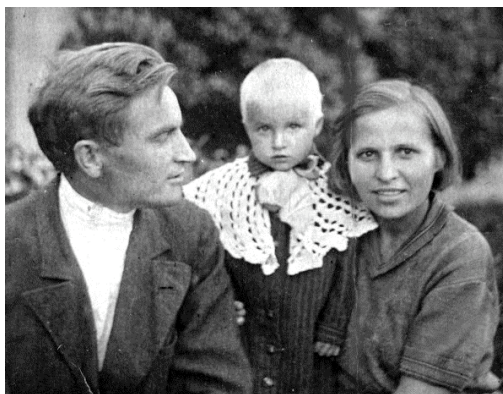
Во время Серёжкиной болезни в доме хозяйничал папа – варил бульоны, жарил картошку и т.п. В то воскресенье папа сварил курицу, и мы отправились в Сокольники в больницу. Было холодно, долго ехали до Сокольников, потом обратно, изрядно замёрзли и проголодались, радовались, что дома нас ждёт вкусный горячий куриный бульон и курица. Каково же было наше разочарование, обида и гнев папы, когда дома он увидел сдвинутую крышку на кастрюле, в которой уже не было курицы, найденной после недолгих поисков под кроватью, изрядно обглоданной. И довольного кота, блаженно растянувшегося на диване. Естественно, отец, будучи очень брезгливым человеком, не только выбросил курицу, но и вылил бульон, в котором побывали кошачьи лапы и морда. Никогда до этого я не видела папу в такой ярости – схватив валенок, он гонялся за котом, лупил его и обзывал ворюгой и негодяем.

Кончилась война. 14 октября 1945 года родился Коля. Его рождение было тяжёлым и едва не стоило жизни маме. Брат родился весом около 5 кг и ростом в 53 см (это при мамином росте в 152 см!). Мама потеряла много крови и лежала в роддоме более двух недель. Когда она вернулась домой, папа ходил на рынок, покупал печёнку, слегка обжаривал её и кормил маму, чтобы восстановить гемоглобин крови. Мама была слаба и бледна, зато младенец был огромен!

Думаю, что жизнь мамы вряд ли можно назвать лёгкой, но мама была удивительно стойким, мужественным и энергичным человеком. Она легко сходилась с людьми и умела дружить, всегда была жизнерадостна и общительна. С этими её качествами связан один забавный эпизод. Маме часто приходилось ходить со мной к врачам в кремлевскую поликлинику на улице Калинина (ныне Воздвиженка).

Однажды в декабре 1940 г., когда мы ждали очередного приёма у невропатолога, рядом с нами сел невысокий полный человек в очках, заговорил со мной, потом с мамой. Оказалось, что это Самуил Яковлевич Маршак, стихи которого я читала и любила.

Поговорив с ним, рассказав ему о своих детях, мама пригласила Маршака к нам в гости на встречу Нового года.

*Мои родители и я.
Москва. 1933 год*

Он обещал прийти. К встрече готовились, мама напекла пирогов, приготовила всякой всячины, кроме того, заставили трёхлетнего Серёжу выучить стихотворение Маршака, пообещав ему за это премию... Как ни удивительно, Маршак пришёл. И вот настал торжественный момент. Сережу поставили на стул, и он прочитал:

*Кремлёвские звёзды над нами горят,
Повсюду доходит их свет,
Хорошая Родина есть у ребят
И лучше той Родины нет!*

И сразу без паузы: «А тепель племию давайте!». Долго и весело смеялись, Маршак был доволен...

После войны в праздники в Московском Кремле устраивались правительственные приёмы, на которых папа по долгу службы должен был присутствовать вместе с мамой. Помню, как мама готовилась к этим приемам. Купила «грацию» – корсет, который утягивал её пополнившую после рождения Коли фигуру, надевала длинное, специально сшитое для этого платье и отправлялась с папой в Кремль.

Все, кто знал маму, всегда отмечали её гостеприимство, её удивительное умение готовить. Конечно, все праздники – 7 ноября, новый год, 8 марта, 1 мая, день Победы и дни рождения – сопровождались обильным и вкусным застольем. Во время войны и некоторое время после её окончания продукты выдавались по карточкам, притом только самые необходимые – сахар, соль, мука, крупа, (в войну ещё по лендлизу

*Моя мама и я.
Послевоенные годы*

*Моя мама и брат Сергей.
Послевоенные годы*

из США – сгущёнка, колбасный фарш и консервированная кукуруза). Приходилось стоять в длинных очередях, в которые мама вставала с ночи, утром её сменяла я, если училась во вторую смену.

Несмотря на скудность продуктов, мама ухитрялась вкусно готовить (я уж не говорю о более благополучных временах), – то тушёнка по-ростовски (картошка с мясной тушёнкой), то солянка из капусты, рыба под маринадом, прекрасные блины, и, конечно, пироги – это были, по-моему, самые вкусные пироги, чаще с капустой, или с рисом и яйцами, реже – с мясом. Пироги мама готовила каждую неделю. А какие куличи мама пекла к Пасхе! По её рецепту до сих пор пекут куличи я и некоторые сотрудники нашей кафедры, кто получил мамин рецепт.

Мама очень любила мороженое и пиво и часто говорила: «Я бы дала Сталинскую премию тому, кто их придумал».

Невозможно забыть мамины высказывания. Она, как истинная уроженка Ростова Великого была бойка и остра на язык и, не задумываясь, выдавала «перлы», от которых со смеху живот сводило. Вот примеры.

Мне исполнялось 50 лет. Ко мне должны были приехать родственники и друзья – большая компания. А Коля вдруг сказал маме, что вряд ли сможет поехать ко мне. Это очень удивило маму. «Неужели ты не поедешь почтить память своей сестры!?» – воскликнула она...

Летом 1957 года в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Почти все девушки ходили тогда в ситцевых пестрых юбках «солнце-клеш» и косынках из той же ткани. Сшила себе такой наряд и дочь хозяина дома в Улиткино Люся Сахарова. И вот мама, увидев ее однажды идущей за водой в ситцевой косынке, вдруг вымолвила фразу, от которой мы все: отец, гости, Коля и я буквально повалились от смеха: «Люся! А ты носишь юбку-то, которая на голове платочек?» Прошло некоторое время, и я сообразила, что мама произнесла самый короткий набор слов, подходящий для этого случая. Если следовать правилам грамматики, то нужно было спросить: «Люся! А носишь ли ты юбку, сшитую из той же ткани, из которой сшита твоя косынка?», но в этом случае число слов увеличивалось бы почти вдвое. Мама предпочла эту фразу сократить вопреки всем нормам русского языка, но при этом все поняли, о чем она спрашивала.

Однажды к нам на Кутузовский проспект пожаловали гости в связи с каким-то праздником. Мама, как всегда, долго готовилась к этой встрече и, конечно, волновалась. Приветствуя гостей за столом, она от хлопот и волнений вместо того, чтобы сказать: «Мы всегда рады видеть вас в нашем доме, здесь вы всегда найдете приют и угощение, приходите чаще, не стесняйтесь, в любое время и т.д.», произнесла: «Дорогие друзья, как хорошо, что вы пришли! Пейте, ешьте, веселитесь. До свидания!» Смысл ее слов дошел до гостей только после двух-трех рюмок. Один из них, видимо, впервые попавший в наш дом, вдруг спросил: «А что, нам уже пора уходить?»

В один из летних дней мы всей семьей решили совершить прогулку на речном трамвайчике по Москве-реке. Папа купил билеты и пропускал нас по очереди по узкому трапу на палубу. Мама шла первой, папа замыкал шествие. На папе была шляпа. Речной кондуктор, естественно спросил у мамы

билет, на что мама, указав на папу, произнесла: «Билет там, в черной шляпе».

Не было случая, чтобы для нас, детей и папы, да и для каждого, кто приходил в наш дом, не оказалось чего-нибудь

*Моя мама и мой брат Коля.
Кратово. 1946 год*

вкусенького. Однажды, когда я ещё была замужем за Олегом Орловым, которого мама очень любила и уважала, он приехал к ней после работы.

– Олег, – спросила мама, – что ты предпочитаешь: борщ или грибной суп?

– Я бы, пожалуй, съел борщ, – ответил Олег.

– Ой, Олег, а борща-то у меня нет.

Мы долго веселились по этому поводу – вот до чего может довести обожание.

Естественно, свадьбы в семье готовились и проходили по «высшему разряду» – было много гостей, много еды, вина, подарков, песен, плясок и веселья.

Необыкновенно ласкова и внимательна была мама по отношению к рождающимся внукам – Алёше, Саше, Боре и Кате. Помогала, чем могла.

Интересно было наблюдать маму на рынке, она задорно и умело торговалась и была искренно рада, когда ей удавалось выторговать что-либо подешевле.

Мама любила людей, дружеские встречи, застолье, петь песни под гитару, на которой играл папа, лихо отплясывать на этих встречах. В последний раз она плясала на своём семидесятилетии. Но танец был уже другой – медленный и недолгий – уже тогда мама была серьёзно больна.

Помню, как весной 1985 года в последний раз видела маму на улице, идущую в магазин. Она шла медленно, спина согбенная, походка шаркающая. Я уезжала с Кутузовского домой, перешла проспект и ждала автобуса, а мама шла по противоположной стороне. «Вот что делают с человеком болезни и старость», – подумала я тогда, вспомнив, как лихо отплясывала мама чечетку в молодости.

Вскоре маму увезли в Центральную клиническую больницу в Кунцеве, где она пролежала больше двух месяцев. При выписке домой в конце лета 1985 года врач предупредил меня, что состояние мамы плохое и можно ждать всяких неприятностей. После больницы мама уже не вставала...

13 или 14 февраля 1986 года мне на работу позвонил Коля и сказал, что маме совсем плохо, отказали почки, он вызвал скорую и просит скорее приехать, чтобы уговорить маму ехать в больницу, куда она ехать никак не хотела, говоря, что хочет умереть дома.

Естественно, я немедленно приехала. К этому времени приехали и врачи, которые были удивлены набором лекарств, которыми лечили маму, и сказали, что нужно немедленно везти её в реанимацию. Мама очень просила оставить её дома, а мы с Колей мучительно решали, как быть. Но после того как врачи сказали, что без интенсивной врачебной помощи мама может скончаться очень скоро, возможно этой ночью, все наши сомнения отпали, мы решили использовать последний шанс на спасение – везти её в больницу. Помню, как её выносили на носилках из квартиры, как она отмахивалась от нас, потому что не оставили её дома. На улице к машине скорой помощи подошла Оля Солдатова, и

мама сказала ей фразу, которая до сих пор звучат в душе: «Прощай, мой милый»... Не нам...

В субботу и воскресенье я звонила в больницу из автомата (у меня тогда ещё не было дома телефона), узнавала только, что состояние мамы по-прежнему критическое и она в реанимации. Думала, что в понедельник–вторник можно будет её навестить. Вместо этого в понедельник утром, 17 февраля 1986 г., раздался звонок в дверь – приехали Коля и Сергей – мама умерла, не дожив месяца до 73 лет.

Очень смутно помню похороны, людей, приехавших проститься с мамой, и поминки, к которым я всю ночь пекла много МАМИНЫХ блинов...

Отец

Для меня отец всегда был и остается образцом скромности, честности, порядочности и преданности делу.

Выходец из крестьянской семьи, в которой было 9 детей, отец в 12 лет ушел из села работать на ткацкую фабрику «Саратовская мануфактура».

В марте 1970 года умер любимый старший брат отца – генерал-майор Советской армии, первый начальник Калининского суворовского училища, потом начальник Саратовской школы «Выстрел», Виктор Алексеевич Визжилин. Мы с папой почти сутки ехали вдвоем в купе в Саратов на его похороны. На протяжении всего пути папа рассказывал о своем детстве, о 1930-х годах, о войне.

До сих пор не могу простить себе, что не записала тогда этих рассказов. Казалось, что невозможно их забыть. Но прошло время, и в памяти остались лишь отголоски этого разговора, хотя это был единственный откровенный разговор обо всем, что меня интересовало. Я задавала вопросы, папа отвечал и анализировал, почему происходило то или иное событие...

Он рассказал, как трудно они жили, особенно после смерти матери, которую папа практически не помнил, как суров был его отец, как в иные годы голодали и лишь по праздникам получали по кусочку масла и сладкого. Думаю, что из-за этого папа до старости любил хлеб с толстым слоем

масла и меня кормил тем же, когда мама лежала в больнице с Сергеем, и Алешу (моего сына), когда он был маленьким...

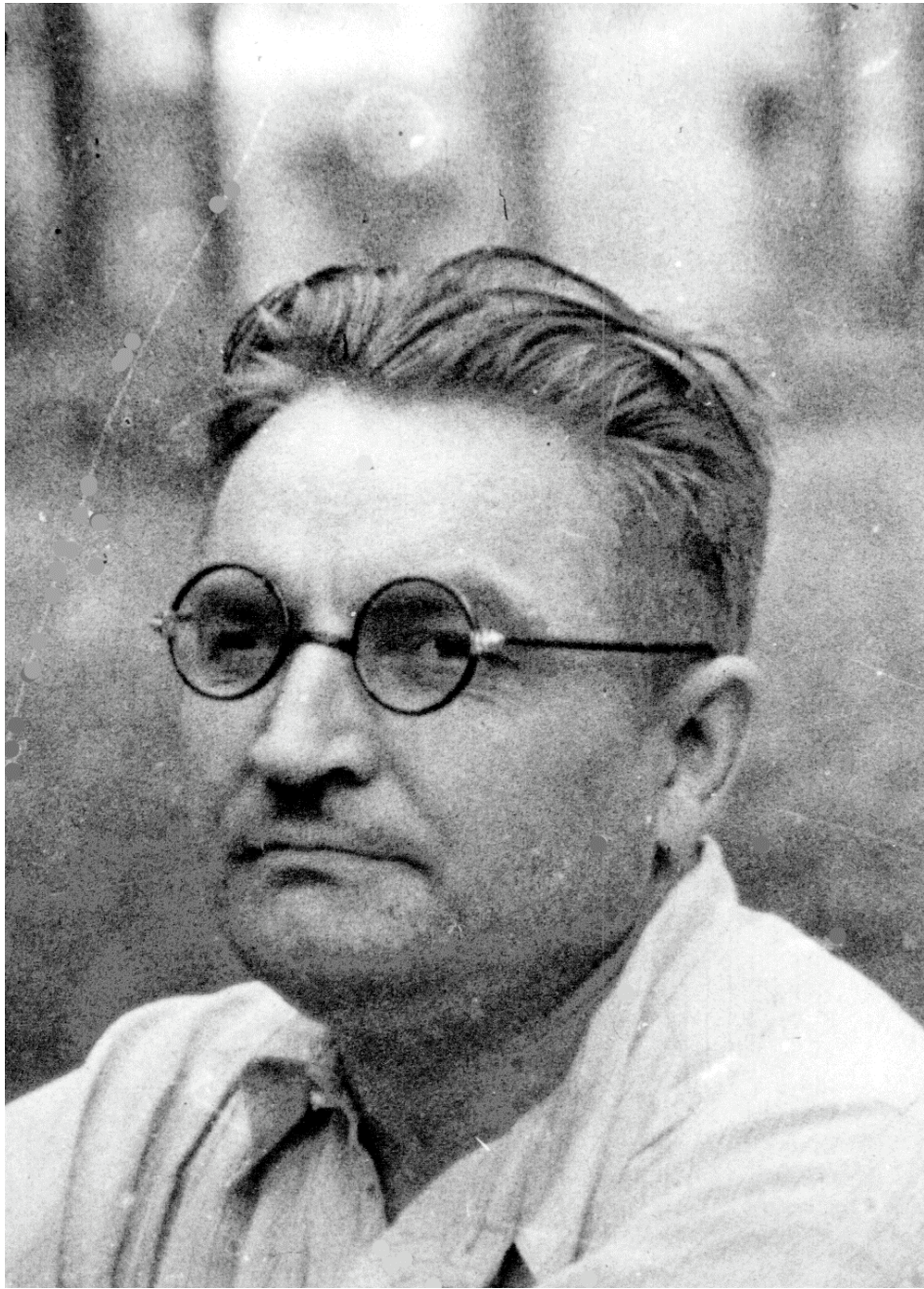
Революцию отец встретил в возрасте 14 лет в Саратове. Для них, бесправных и бедных рабочих, это была радость и надежда на лучшую жизнь. Ходили на митинги и демонстрации, пели революционные песни. Были и дурацкие моменты, в частности, отец с досадой на себя рассказал, как молодежь устраивала шествия против духовенства, распевая глупые частушки и неся на палках карикатуры на попов, ставили какие-то антирелигиозные, не слишком умные сценки.

В 18 лет отец был призван в армию и направлен служить на Черноморский флот. Однако, по прибытии в Крым, на медицинской комиссии у него обнаружили начальную стадию туберкулеза легких, и его комиссовали. Тяжело и стыдно, говорил папа, было возвращаться в Саратов после пышных торжественных проводов в армию и мечтаний о флотской службе на Черном море. Потом лечение, снова работа на фабрике, рабфак. В сентябре 1926 года он вступил в партию большевиков – ВКП(б). В 1927 году, как лучший выпускник курса, был направлен на учебу в Москву. Поступил в Московский текстильный институт, где в 1932 году получил высшее образование. Там же закончил аспирантуру и стал работать преподавателем кафедры сопротивления материалов, избирался секретарем парткома института, а потом работал заместителем декана общетехнического факультета.

Позже мы с Колей попросили отца написать о своей жизни, о времени и событиях, свидетелем и участником которых он был. Папа удовлетворил нашу просьбу, но успел подробно написать лишь о своем безрадостном детстве, о неласковом отце, которому в одиночку пришлось содержать большую семью, о братьях и сестрах, давая им краткие, но очень емкие характеристики. На основе этих записок я составила родословную папиной семьи.

Вот что папа рассказал о своем отце, матери и братьях, о своем детстве и работе на фабрике до и после революции.

«Отец, **Алексей Григорьевич Визжилин**, был человеком среднего роста с русой бородой. Своего хозяйства не имел. Работал по найму, неохотно и не больше двух-трех ме-

*Мой отец Николай Алексеевич Визжилин.
Москва. 1948 год*

сяцев подряд, работать не любил (хотя пока дети были маленькими, ему, очевидно, пришлось поломать свой хребет) и мать часто называла его лодырем. Самое большое, что он делал, – это сеял небольшую полоску проса или бахчи, причем пахал кто-нибудь из односельчан, а полоть и убирать урожай должны были дети после работы на фабрике. Отец был грамотен, очень любил читать, водки не пил, я не помню, чтобы он когда-нибудь выпил рюмку водки. В детстве я слышал разговоры о том, что отца пороли за участие в крестьянском движении в 1905 году, но сам он об этом говорить не любил.

Односельчане относились к нему с уважением, часто зимними вечерами приходили к нему и вели долгие неторопливые беседы о бесправном положении крестьян, о грубости и рукоприкладстве волостного начальства, о деревенских новостях. Слушая беседы отца с мужиками, я не мог не замечать, что его разговорная речь отличалась от речей его собеседников-односельчан. Он меньше матерщинничал, фразы строил и слова произносил более правильно.

Никогда в семье не было разговора о том, кто были родители моего отца, чем они занимались, где жили, и откуда произошла такая странная фамилия – Визжилины».

Деда своего – папиного отца – я никогда не видела и узнала о нем только из записок, написанных папой в 1960-е годы.

«Мать, **Прасковья Павловна Визжилина** (в девичестве Павлова) была, как говорили, высокая, худая, стройная женщина. Черты ее лица почти стерлись в моей памяти. Мать была неграмотная, вечно придавленная заботами о куске хлеба. Жаловалась на деспотизм мужа, на его нежелание работать. Часто на этой почве между отцом и матерью происходили ссоры. Мать вечно была занята стряпней, стиркой, шитьем и починкой одежды и белья мужа и детей. Редко можно было видеть мать веселой. Иногда, штопая носки или прилаживая заплатку к штанишкам ребятишек, она напевала. Мать, видимо, любила детей. Но я не помню, чтобы она кого-нибудь из нас ласкала. У матери было девять детей, да десятый умер в детстве. Кажется, теперь моей матери присвоили бы звание «Мать-героиня», но в то время такая большая семья была сплошным несчастьем.

Мать вела и соединяла семью, семья существовала и держалась на ней. По воскресеньям пекла пироги. Вот воскресное летнее утро, кончилась обедня. Наша большая семья садится за стол. На столе большой ведерный самовар и пироги с картошкой или капустой, напеченные на подсолнечном масле в русской печи на противнях ...

Мать умерла при мне и брате Александре в 1919 году в возрасте 48 лет, когда мне было 16.

Смерть матери была первым тяжелым горем, которое я перенес. Забившись в угол сарая, я горько плакал, а старший брат Александр утешал меня и плакал сам. Семья после смерти матери распалась – ушел из дома на фабрику Григорий, ушел в армию Виктор, а потом и я стал жить в фабричном поселке. <...> Бабушку, папину маму, мы тоже не знали.

Брат Григорий был высокий, стройный парень, человек умный, способный, любимец матери. С ранних лет он пошел работать на фабрику, где заработал туберкулез легких и, по видимому, туберкулез позвоночника. В 1915 году был призван в царскую армию, попал в учебную команду, дослужился до звания унтер-офицера. С уходом брата в армию мать возложила на меня обязанность писать Гриньке письма. И много раз перечитывать письма, приходящие от него, которые она, в конце концов, заучивала наизусть и дословно пересказывала соседкам... В начале 1917 года брат был демобилизован по болезни. В 1918 году вступил в коммунистическую партию, отслужил один год в Красной армии, и снова демобилизовался по болезни. Работал на фабрике председателем кооператива, затем директором совхоза (подсобного хозяйства фабрики). Начиная с 1919 г. часто болел, подолгу лежал в больнице и с 1922 года до дня смерти лежал дома. Умер он весной 1924 года в возрасте 28 лет. Парторганизация фабрики организовала ему гражданские похороны. На похоронах играл оркестр, а когда закончился траурный митинг и гроб понесли на кладбище, непрерывно в течение 10 минут гудел мощный фабричный гудок – прощальный гудок человеку, потерявшему здоровье на фабрике. Похороны моего брата были, пожалуй, первыми гражданскими похоронами на фабрике – без попа, с музыкой и речами.

Брат Виктор родился 18 апреля 1901 г. С 11 лет начал работать на фабрике съемщиком на прядильных машинах – труд в то время тяжелый и изнурительный. В мае 1913 г., подгоняемый ударами ремня старшего съемщика, второпях ударил дном железного ящика для шпуль по кисти правой руки и повредил безымянный палец. Тут же он был отправлен в фабричную больницу, где врач наложил на палец, который был сломан, швы. Виктор с забинтованным пальцем, весь в слезах явился домой. Целую ночь он кричал, не переставая, мать утешала его, возилась с ним всю ночь. На утро вся рука у него до локтя вздулась, вспухла. Его отправили в Саратов в частную лечебницу, где ему ампутировали половину среднего пальца на правой руке. За увечье Виктора администрация фабрики выплатила 99 рублей, деньги по тому времени, особенно для нашей семьи, не малые. На эти деньги отец купил на сплаву на Волге рубленый сруб избы и сарай и откупил в деревне кусок земли».

О своем детстве папа написал так:

«Я родился и провел детские годы в деревне. Место моего рождения – село Хмелевка Александровской волости, Саратовского уезда. Саратовской губернии (ныне Ворошиловский район Саратовской области).

Село Хмелевка – большое село (в нем насчитывалось до 200 дворов) с красивой белой церковью – располагалось на правом берегу протоки Волги – речке Песчаное, в 20–25 км от Саратова. Основное русло Волги находилось в 4–5 км от села. Пахотные земли, расположенные вокруг села, принадлежали помещику Шахматову. В период моего детства в селе еще существовал «барский двор» с двумя домами, один из которых после революции был занят под школу, другой – под сельсовет. При барском дворе был большой яблоневый сад и красивый пруд. В Хмелевке была церковно-приходская трехклассная школа, которую закончили мои старшие братья – Григорий и Виктор – и я.

Я очень люблю Чехова. Не могу назвать ни одного из русских писателей, произведения которого я читал бы и перечитывал с таким большим удовольствием, с каким многократно читал рассказы Чехова и его чудесную повесть «Степь». Известно, что Чехов прожил трудную жизнь. Чехов,

по словам его брата, часто с горечью говорил: "В детстве у меня не было детства". Чехов родился в Таганроге, где его отец имел бакалейную лавку.

С ранних детских лет он вынужден был сидеть в мрачной холодной лавке, не имея возможности отдаться детским увлечениям и забавам. И, видимо, поэтому все его рассказы о детях написаны с оттенком грусти.

*Виктор Алексеевич Визжилин –
генерал-майор Советской Армии*

Но в то проклятое время миллионы сверстников Чехова жили во сто раз хуже, чем он сам. Детство Ваньки Жукова (рассказ Чехова "Ванька") или детство Варьки (рассказ "Спать хочется") было куда безрадостней. А сколько таких Ванек и Варек было в старой царской России.

Меня и моих братьев и сестер в детстве не баловали, детство наше было безрадостным. С тех пор, как я себя помню, наша семья жила в маленькой избушке, крытой почерневшей от времени соломой. Избушка эта принадлежала, помнится, двоюродной сестре моей матери. Более убогого жилища трудно себе представить. Как размещалась в нем наша довольно большая семья – я теперь не представляю. В моей памяти не сохранилось ни одного сколько-нибудь яркого или интересного впечатления. В памяти вижу себя все время выполняющим какую-нибудь работу – ведь работать по найму

Проф. Н. И. ИВАНОВ

СБОРНИК ЗАДАЧ ПО СОПРОТИВЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАНИЕ ДЕСЯТОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено Министерством высшего образова-
ния СССР в качестве учебного пособия
для высших технических учебных заведений

*С. Минутинскому
Климову Александру
Визжилину
на память о совместной
работе по С-М.
25/11/48 Н.И.Иванов*

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

*Автограф профессора Н.И. Иванова,
заведующего кафедрой сопротивления материалов
Московского текстильного института,
научного руководителя Н.А. Визжилина*

я начал очень рано, с 7–8 лет, и эта работа казалась мне тогда очень тяжелой и изнурительной, очевидно потому, что я был мальчишка хилый и болезненный... Нередко платой за работу была бадейка молока, которую я иногда приносил домой. Чаще я работал за то, что вместе с хозяевами завтракал, обедал и ужинал. Мать была довольна даже такой платой, т.к. можно было не готовить дома «на лишний рот».

*Николай Алексеевич Визжилин
в студенческие годы*

Весной часто это был посев семян огурцов. Возделывание огурцов было делом трудоемким. Для посадки огурцов сохой вскапывались борозды. Вслед за сохой шел работник с железными граблями и рыхлил борозду; за ним шел второй работник, который мотыгой делал неглубокую ровную борозду; вслед за ним шел третий работник, обычно подросток, с чашкой в руках с мокрыми пророщенными семенами и бросал семена в борозду; наконец, за подростком шел еще один работник, засыпавший деревянным скребком бороздку. Это была самая ответственная часть работы, т.к. нужно было засыпать семена не очень глубоко, чтобы не затруднить

появление всходов, и не слишком мелко, чтобы семена не засохли и их не выклевали птицы. На мою долю выпадала посадка семян. Идешь с чашкой, согнувшись в дугу, семена мокрые, клейкие. Их надо осторожно отделять друг от друга, не поломав ростков, и рассаживать на одинаковом расстоянии друг от друга. Когда пройдешь одну борозду длиной 50–70 метров, то спину еле разогнешь. Другие работы – прополка проса и огурцов, молотьба, рытье картошки, заготовка семян огурцов. Запомнилась не тяжелая, но нудная работа, которая называлась у нас так – «выпускать семечки», это заготовка семян огурцов. Это заготовка производилась, когда кончался сезон сбора огурцов и в поле оставались только переспелые огурцы – «желтяки». Их собирали, сваливали в кучу, около нее ставили большую колоду. Возле нее садился кто-нибудь из взрослых, разрезал каждый огурец вдоль пополам и бросал половинки в колоду. Вокруг колоды сидели подростки, перед каждым из них стояло ведро или миска.левой рукой бралась половина огурца и правой рукой с помощью деревянной ложки выпускалось содержимое огурца в ведро. По мере наполнения емкости, ее содержимое выливалось в большую кадку, где все этокисло несколько дней, а затем, когда семена отделялись, все содержимое кадки промывалось на речке в большом решете. Вся слизь уплывала, а семена из решета высушивались на солнце.

К работе по найму в селе я привлекался весной, летом и осенью. Зимой учился в школе и выполнял только мелкие домашние работы – рубка дров для печки, подноска воды из реки и т.п., которые в счет не шли и не считались обременительными.

Семья была большая: отец, мать, девять детей – пять мальчиков и четыре девочки: старшая Анна, Александр, Наталия (1893), Григорий (1896–1924), Виктор (1901–1970), Николай (1903–1976), Павел (1908), Мария (1910), Евдокия (1912), и одна девочка умерла в раннем детстве.

Своего жилья не было, ютились в маленьких комнатухах в избах родственников, только последние годы жизни в деревне была поставлена своя, хоть и небольшая, изба. Дети спали либо на печке, либо вповалку на полу.

Все мальчики в возрасте 11–12 лет работали зимой на фабрике, а летом по найму на селе.